

Глава 1

Вы говорите: «Всю мою сознательную жизнь». Но это неправда. Лучше говорите: «Всю мою бессознательную жизнь».

Метод

Тихий провинциальный город Липецк. Хоть и областной центр, но сравнительно небольшой. Город, в котором не происходит громких преступлений и жители чувствуют себя в безопасности. Настолько, что одинокая девушка может поздним вечером решиться пройти к трамваю через городской парк. Нет, она, конечно, будет внимательно смотреть по сторонам. Тем более что в последние месяцы по городу ползут слухи о маньяке, который убивает девушек, душил их шнурком. Полиция ничего толком не говорит. Но ведь с ней, лично с ней ничего такого не может случиться, правда?

Девушка держится настороже, несколько раз оглядывается. Замечает: сзади, шагах в двадцати, идет какой-то мужчина. Ну и ладно, пусть идет. Однако она инстинктивно ускоряет шаг. Но человек сзади не отстает. Он тоже пошел быстрее! Ее охватывает паника. Она почти бежит. Но тут дорожка делает поворот — и впереди показывается трамвайная остановка. Совсем рядом! И там кто-то есть! Точно: под навесом стоит женщина в годах, со строгим лицом. К такой никто приставать не будет, рядом с ней можно чувствовать себя спокойно. К тому же и тот, сзади, куда-то пропал. Так что все хорошо.

Девушка, постепенно успокаиваясь, садится на скамью. Издалека доносится стук трамвайных колес. Через минуту вагон подъедет к остановке, и она уедет отсюда. Все, неприятный эпизод закончился.

Неожиданно сзади, за спиной девушки, раздается какой-то шорох. Девушка хочет обернуться, но не успевает. Чьи-то руки обматывают вокруг ее шеи шнурок и резко его стягивают. Она хватается за шнурок, пытается осла-

М Е Т О Д

бить хватку, но сил явно не хватает. Женщина со строгим лицом, рядом с которой девушка чувствовала себя спокойно, оборачивается на звуки борьбы, в ужасе открывает рот, пятится от скамьи.

Подъезжает трамвай — практически пустой в этот поздний час. Женщина запрыгивает в трамвай, двери закрываются, трамвай отъезжает.

Жертва предпринимает последние усилия, ее рот судорожно открывается, глаза вылезают из орбит. Еще несколько секунд... Ноги девушки лихорадочно скребут по песку, потом замирают. Руки бессильно падают.

Все кончено.

Убийца сматывает шнурок с шеи жертвы, бросает на нее последний взгляд и скрывается в темноте.

Спустя некоторое время слышится звук сирены. К остановке подкатывает полицейская машина. Люди в форме растерянно склоняются над телом жертвы.

В тихом городе Липецке зафиксировано очередное, восьмое по счету серийное убийство за неполные два года...

Есеню Стеклову допрашивали двое. Первому (она про себя назвала его «Седой») было лет пятьдесят. Лицо у него было вроде бы приветливое, но ясно чувствовалось, что с ним надо быть настороже. Второй (его Есеня окрестила Худым) был значительно моложе, с цепким надменным взглядом.

Седой положил перед собой чистый лист бумаги, взял ручку и задушевным тоном произнес:

— Ну, что, Есеня Андреевна, начнем?

Есеня задумчиво посмотрела на его руки, на приготовленный лист и спросила:

— С чего?

Она не слишком задумывалась над тем, что отвечать. Чувствовала себя уверенно. Следователи знали, кто она и кто ее отец.

— С чистого листа, — сказал Седой, обаятельно улыбнувшись. — Почему вы стали следователем? Странный выбор для девушки...

— Вашей внешности! — добавил Худой.

— Внешность обманчива, — ответила Есения.

Она знала: они и сами наверняка это поняли. Поняли, что за миловидным, немного наивным лицом типичной девушки двадцати трех лет скрывается крепкий, как сталь, характер.

— И все-таки? — с нажимом произнес Седой.

Она понимала, что перед ней — профессионалы, перед которыми поставлена определенная задача. И они будут ее добиваться так же неуклонно, как и она сама решала свои собственные задачи. Значит, надо будет многое рассказать...

— Когда мне было семь, убили мою маму, — произнесла она. — Убийцу так и не нашли. Я поклялась, что вырасту и найду его. Вот главная причина. А непосредственно все началось с выпускного вечера в нашем вузе...

Этот вечер начался на лужайке в вузовском парке. На маленькую трибуну поднялся один из преподавателей и собрался произнести речь:

— Дорогие ребята! Вот вы и стали дипломированными юристами...

Наверное, он хотел сказать еще многое, но ему помешали. К трибуне энергичной походкой подошел отец Есени — прокурор Андрей Стеклов, и жестом показал, что хочет говорить. Преподавателю ничего не оставалось, как уступить.

— С напутственным словом хочет выступить старший советник юстиции Андрей Сергеевич Стеклов, — представил он гостя.

Заняв место на трибуне, прокурор сразу перешел к делу:

— Здравствуйте! Я без чинов! Вы знаете, что моя дочь сегодня тоже, как и все вы, отправляется в самостоятельное плавание. Есения, давай, подойди!

Смущенная Есения, не слишком обрадованная таким поворотом дела, подошла к трибуне.

— Я не знаю, кто из вас кем станет — дороги жизни бывают разными, — сказал прокурор, когда дочь встала рядом с ним. — Я не знаю даже, куда пойдет она, хотя

М Е Т О Д

вижу ее чаще вас. Но я прошу вас вот о чем. Если вам будет трудно решиться на какой-то важный шаг, или, наоборот, вас будут подталкивать к опасному, неверному шагу — а в работе юриста бывает и так! — обращайтесь ко мне! Каждого я выслушаю так же внимательно, как ее. А может, и внимательнее, потому что она иногда очень много говорит!

Прокурор первый рассмеялся своей шутке, среди выпускников тоже раздался смех.

— Помогу, чем смогу! — закончил свою речь прокурор. — Мы теперь коллеги! Поздравляю, ребята, празднуйте!

В ответ раздались дружные аплодисменты. Прокурор широко улыбнулся выпускникам. Еще шире — дочери. Есения ответила отцу такой же искренней улыбкой. После чего наклонилась к его уху и прошептала:

— Я тебя ненавижу...

Прокурор ничего не ответил дочери. Ничто не изменилось и в его лице — нельзя было догадаться, что он удивлен или расстроен таким заявлением.

Отец и дочь вместе отошли от трибуны.

— Какой неожиданный визит! — заметила Есения.

— Хотел сделать тебе приятное, — ответил отец.

— Или показать, что контролируешь, — добавила дочь.

На это прокурор не нашел, что возразить. Однако выяснилось, что Есения еще не все ему сказала.

— В прокуратуру в Питер я не поеду, — заявила она.

— Можно спросить, почему?

— Потому что мне осточертел статус «твоей дочки»!

— Тебе не нравится быть моей дочкой?

— Нравится — дома. А на работе я хочу быть собой!

— Мама сына хотела, вот у тебя и характер мужской, — усмехнулся прокурор. — Чем тебе не нравится работа в Питере?

— Она ненастоящая!

— А какая настоящая?

— Ты знаешь! Помнишь, ты говорил: «Прокурор работает с теньями, а следовательно — с теми, кто их отбрасыва-

ет»? Я не хочу работать с теньями! Не хочу просиживать зад в кресле! Я хочу найти того, кто это сделал с мамой!

— Вот оно что... — протянул прокурор.

— Да! — продолжила наступать Есения. — Ты же обещал! Ты его нашел?

— Его давно нет в живых!

— Откуда ты знаешь? Ты видел его тело? Знаешь, как его зовут? Ты просто сдался!

— Хватит! — резко ответил прокурор. Разговор стал его раздражать.

— Позвони в Питер! — потребовала дочь. — Скажи «спасибо» и отмени.

После чего резко развернулась и направилась в сторону вуза, где уже толпились ее однокашники: выпускники собрались ехать в ночной клуб, где празднество должно было продолжиться, что называется, на высокой ноте. Прокурор Стеклов проводил дочь печальным взглядом.

Веселье в клубе было в разгаре. Есения со своей подругой Анюлей вышли в туалет. Есения курила, а Анюля, полная шатенка с чувственным лицом, прихорашивалась у зеркала. Приподняв волосы, она взглянула на свои уши, после чего заявила:

— Уши как у слона. Вот у тебя, я понимаю, сексуальные. Зато мне насчет украшений можно не париться...

— А ты по ним паришься? — поинтересовалась Есения.

— Я по всему парюсь. Я вообще, знаешь, завистливая, — призналась подруга.

— Да ладно, Анюль...

— Нет, правда. Я тебе всегда завидовала. Не вообще, а насчет ушей. И ног. И украшений.

— Ничего не забыла? — рассмеялась Есения, которой хотелось обратить разговор в шутку.

Но Анюля не была склонна шутить.

— Вроде все, — серьезно сказала она. — На тебе всегда такие вещи... Неяркие, но видно же, что дорогие. У тебя вкус есть, и возможности. А я из бедной семьи. У меня никогда этого не было.

М Е Т О Д

— Анюль... — умоляюще произнесла Есения.

И подруга откликнулась на ее интонацию.

— Ничего, я молодая, заработаю, — бодро заявила она. — Я же теперь юрист, а?

— Конечно! — сказала Есения, обнимая подругу. — И уши у тебя отличные, и глаза самые красивые на курсе. А украшения — опасная вещь. Мужчины с их помощью нас покупают.

— Мне что-то не предлагали, — заметила Анюля. — А тебе?

— Монетизировать мое расположение? — уточнила Есения. — Обратить его в капитал? Было пару раз.

— А в грязных подробностях? — заинтересовалась Анюля.

— Один колье обещал. Сказал — от бабушки-дворянки осталось, а носить некому. «Не встречал, — говорит, — такой стати, кроме как у вас! И не поехать ли нам с вами в мой загородный домишко и там колье это примерить...»

— Ну, а ты?

— А я говорю: «Стать — это да. А за город не поеду, далеко».

Подруги несколько секунд смотрели друг на друга, а потом крепко обнялись.

— Неужели завтра у нас начнется взрослая жизнь? — воскликнула Анюля. — Какая она будет?

— Полная, — ответила Есения. — А вот чего — пока не знаю.

Спустя несколько минут Есения уже была в зале, где гремела музыка и танцевали ее одноклассники. К девушке тут же подошел один из них — Саша Тихонов, угловатый, немного неловкий парень. На Есению он смотрел влюбленными глазами.

— Пойдем, потанцуем! — предложил Саша.

— А ты что, танцор? — улыбнулась Есения.

— Ну да, диско! — уверенно ответил Саша, пытаясь изобразить быстрые движения «диско», чем рассмешил девушку.

— Уже выпил? — уточнила она.

— Ну, так...

— А я нет. Принеси что-нибудь, — попросила Есения.

— Не вопрос! Стой тут, ладно?

— Стою! — пообещала девушка.

Саша удалился в сторону бара, а к Есене подошел другой однокурсник — Женя Осмыловский. Он был полной противоположностью Саше и никакой неловкости никогда не испытывал.

— Ну как ты? — приветствовал он Есению.

— Хорошо. А ты?

— Плохо, — скорчил гримасу Женя. — Скучно тут.

— Да брось! Смотри сколько девочек, в платицах...

— Ага, — кивнул кавалер. — И в трусиках. А ты?

— Что? — Есения сперва не поняла вопроса.

— В трусиках?

— Ну, Жень, ты отжигаеть... — покачала головой девушка.

— А что? Видишь Лизу Гнедову? — парень показал на группу девушек. — Она — без.

— Да вы гоните, Евгений! — воскликнула Есения, пораженная нахальством кавалера.

— Зуб даю! — серьезно заявил Женя. — Проверим?

— Как? — хохотала Есения.

Женя не успел ответить — в этот момент вернулся Саша с двумя бокалами вина.

— Ну, не буду мешать, — заявил Осмыловский, удаляясь. — Есень, насчет Гнедовой — точно говорю!

Впрочем, ушел он не очень далеко — к Анюле, которая стояла чуть в стороне.

— О чем задумалась? Делись! — потребовал Женя, подходя к девушке.

— Ну, думаю, что дальше будет, — призналась Анюля.

— А что тут думать? Все написано, — уверенно заявил Женя.

— Где?

— На лбу. У каждого человека. Вот, посмотри на мой. Видишь?

М Е Т О Д

И он на полном серьезе наклонил к девушке свой чистый и гладкий лоб. Анюля взглянула и рассмеялась:

— Почерк неразборчивый!

— Нет, — не согласился Женя, — ясно же написано: буду жечь.

— Что: сердца людей глаголом?

— Нет. Глаголы отвечают на вопрос «Что делать?». Ну, работать, потеть. Это не круто. Вот междометия — это круто: «О-о! А-а! О-о! А-а!»

— Ясно... — усмехнулась Анюля. — А у меня что написано?

Осмыловский с видом врача осмотрел ее лоб и заявил:

— Выйдешь замуж. Неудачно: у тебя будет сила воли, у него нет. Разведешься, опять выйдешь. Та же беда. Брошишь это хобби, утетишься в работе. Станешь адвокатом в Ярославле. Станешь много работать, хорошо зарабатывать. Купишь серьги. Всё.

Высказав это «пророчество», Женя рассмеялся. А у Анюли испортилось настроение.

— Ты прав. Так и будет, — сказала она.

После чего достала из сумочки сигарету и направилась к выходу. Оказавшись на улице, закурила и — словно кому-то назло — убрала назад волосы, открыв уши без сережек.

Неожиданно у нее за спиной раздался голос:

— Вы про меня бог знает что подумаете... Ну и ладно!

Анюля обернулась. Перед ней стоял мужчина лет пятидесяти, невысокий, с хорошей осанкой, в приличном костюме и дорогих очках. Мужчина Анюле, в общем, понравился. Она вернула волосы на прежнее место, закрыв уши. Между тем человек в очках продолжил свой монолог:

— Мог хоть раз поступить, как в кино. Взять — и в мусорку. Не могу! Потому что красота. Не могу красоту в мусорку...

— Вы о чем? — спросила заинтригованная Анюля.

Мужчина достал из кармана овальную коробочку, обшитую черным бархатом. Открыл. В коробочке лежало

ожерелье: небольшие острые кристаллы с холодным голубоватым отливом, соединенные толстой нитью белого цвета. Анюле ожерелье понравилось.

— Живые кристаллы, — объяснил мужчина. — Двух одинаковых нет. А нитка — белая сталь.

— Красиво... — заметила Анюля.

— Немцы, — объяснил мужчина. — Если делают — так делают. Сегодня подарить ЕЙ хотел, а завтра уехать. Вдвоем, в Германию. У меня там бизнес, гостиница в горах. А она говорит: «Спасибо, Юрий Сергеевич, но не могу принять, не надо». Я сначала думал, что скромничает. Может, из небогатой семьи, не привыкла. А у нее, оказывается, другой есть, молодой. Я психанул сначала. Потом подумал: зачем девчонке, которую... к которой так отношусь, вечер портить? В чем она виновата? Сказала как есть. Это я дурак, со своими бусами. Вышел на улицу, стою тут сорок минут. Хотел в мусорку. Не могу! Открываю, смотрю — и не могу! Разве можно красоту — в мусорку?

Анюля с удивлением и сочувствием смотрела на мужчину. А он вдруг протянул ей коробочку с ожерельем.

— Мне от вас ничего не надо, — сказал он. — Как звать — не спрошу. Только возьмите.

— Нет, что вы... — покачала головой Анюля.

— Не понравится — выбросите, — настаивал мужчина. — Я все равно не смогу. Это от души. Прошу вас!

Он вновь протянул ей коробочку. И Анюля сдалась. Она медленно протянула руку и взяла ожерелье.

— Тяжелые... — оценила она кристаллы.

— Живые, — напомнил мужчина.

Он бросил коробочку в ближайшую урну и ушел вниз по ступенькам. Анюля с удивлением смотрела ему вслед.

За этой сценой, как и вообще за всем, происходящим в здании вуза и вокруг него, наблюдала группа спецназа. Спецназовцы сидели в обычной торговой фуре, припаркованной неподалеку. По камерам видеонаблюдения они следили за всеми, присутствовавшими на вечере. Видели они и сцену дарения ожерелья. Но она не привлекла их внимания.

М Е Т О Д

Между тем в зале веселье продолжалось. Неожиданно Есения заметила плачущую Лизу Гнедову, которую утешали подруги.

— Что это Лизка плачет? — спросила она у одной из девушек.

— Это все Женька Осмыловский, придурок! — объяснила девушка. — Платье ей задрал при всех! Хотел посмотреть, в трусиках она или без.

— И что? Они у нее были?

— Нет! — ответила девушка. Они с Есеньей переглянулись и неожиданно захихикали...

Есения недолго стояла возле униженной Лизы — Саша увлек ее в дальний конец коридора, где кроме них не было ни души. Парень обнял девушку, поцеловал ее раз, другой... Есения не отвечала на поцелуи, но и не сопротивлялась им.

— Я тебя хочу... — выдохнул Саша после очередного поцелуя.

Есения на это только рассмеялась.

— Извини, Санечка, не могу я так... — отвечала она.

— В смысле — ты должна подготовиться?

— Типа того.

— А ты что... — Саша замялся. — Ни с кем еще? Ты еще девочка?

— Ну и что тут такого? — нахмурилась Есения. — Что, по конституции обязательно трахаться? Это не обязательно.

— Да нет... я, вообще-то, тоже... — начал мямлить Саша.

— Тоже девочка?

— Нет, у меня были женщины до тебя! — выпалил парень.

— Да, но я у тебя еще не была. И вряд ли буду, если честно.

— Почему? Я тебе не нравлюсь? — задал Саша самый главный для него вопрос.

— Нрависься, — ответила Есения. — Но ты... слишком хороший. Даже не знаю, достойна ли я тебя.

— Да ладно! Достойна! — отвечал обрадованный Саша, пытаясь снова обнять девушку...

Тем временем Анюля, пройдя через зал, закрыла за собой дверь туалета. Помещение оказалось пустым, и ей это было на руку. Встав перед зеркалом, Анюля достала подаренные бусы и надела их. Оказалось, что бусы сидят почти вплотную к ее шее. Чем больше Анюля глядела в зеркало, тем больше ей нравилось увиденное.

Оставалось застегнуть бусы. Это оказалось не так-то просто: замочек представлял собой два стальных цилиндра, один из которых надо было вкрутить в другой — и все это на ощупь. Однако, немного повозившись, Анюля достигла результата: замочек тихо щелкнул, запираясь.

И в ту же секунду бусы чуть сильнее сжались на шее девушки. Это слегка удивило Анюлю. Она взялась рукой за бусы, чтобы немного их растянуть. В этот момент раздался новый щелчок, и бусы еще стянулись. Теперь кристаллы уже впивались в кожу. Перепуганная Анюля двумя руками схватилась за душашее ее украшение и бросилась вон из туалета...

В зале гремела музыка, было весело, поэтому вначале никто не обратил внимания на Анюлю — с выпученными глазами, почти падая, держась обеими руками за шею в попытке сдержать неумолимую удавку, девушка выбежала на середину зала, упала и забилась в конвульсиях. Только тогда раздались крики. Выпускники кинулись к теряющей сознание Анюле, но никто не решался подойти близко.

В толпе выпускников, окруживших упавшую на пол девушку, стоял человек в очках — тот самый, что подарил ей ожерелье. Не отрываясь, он смотрел на агонию Анюли. Лицо его выражало возбуждение, даже наслаждение, близкое к оргазму.

Анюля в последний раз выгнулась в напряжении — и застыла. Под ее головой медленно растекалась лужа крови. Убийца в очках встретил ее смерть усталой и счастливой улыбкой...

Распахнулись двери, в зал вбежали спецназовцы, дежурившие в фуре — они увидели происходящее на мониторах. По всем коридорам забегали люди в масках и с